

*И в а н н а Н о х р и н а***МОНАСТЫРЬ НАПРОТИВ**

На моей работе окно ниже тротуара. Восемь часов в сутки буднего дня я провожу под стук обуви. За стеклом надежная решетка, и белая краска на ней покрыта слоем коричневой грязи. Бездомным котам приходится просовывать морду между ее штырями, чтобы заглянуть в мою пасмурную обитель и иногда взгрустнуть со мной вместе. Их жизнь перестает быть предельно несчастной при встрече с унылостью моего взгляда. Они вмиг осознают крайность чужого дна при сравнении его с тротуаром, на котором стоят их лапы. Я всерьез подумываю ввести для них определенную таксу за такие подглядывания. Жизнь воспитала во мне уверенность, что любое из удовольствий имеет свою цену. Почему же коты должны избегать платежа?

Здание, где я работаю, плавно переходит в морг, через дорогу от которого уже двенадцатый век, возвышается неприступная крепость мужского монастыря. Его обитатели не любят запаха моих сигарет, который я посылаю вслед их струящимся рясам. Меня не смущает этот факт, я тоже не люблю церковного ладана и лепестки искусственных цветов, которыми они посыпают районные клумбы на слухай тусклой осени.

Когда приходит время дождя, я курю, не отходя от дверного козырька над входом. По моим ушным перепонкам музыкальными тарелками в это время ударяет колокольный звон. И, чинно вышагивая, один или двое священников направляются под его соло к стоянке припаркованных рядом машин. Мне больше не хочется курить, но я курю, чувствуя, что кот еще не убрался от решетки. Я не позволю ему в такое сырое сегодня снова самоутвердиться, благодаря моей безысходности. К тому же мне любопытно посмотреть, чего еще нет у меня и что есть у этих. Над священниками сопровождающие их смиренно складывают длинные зонты. Те садятся в высокий черный «лексус», который бесшумно увозит их. Наверное, в рай.

Я возвращаюсь с перекура в зал для переговоров. На повестке дня новая книжка для детей, воспитываемых в русле традиций православной церкви. Когда у меня будут дети, из этого русла они узнают только о Библии. Но пока детей у меня нет, и мой робкий вопрос о надобности пополнять ряды макулатуры, вызывает всплеск шиканий со всех сторон. Тираж книги предполагается снять с производства из-за того, что зверушки по ее сюжету мало молятся. Я поднимаю, как в младших классах руку, и отпрашиваюсь в туалет. Мне необходимо подсунуть виски под холодную воду и смыть с себя, всенепременно смыть облепляющие со всех сторон местные диалоги.

По дороге к туалету обнаруживаю на коридорном столике истрепанные издания Зигмунда Фрейда, подброшенные, наверняка, революционно настроенным зверем. Открываю дверь в свой кабинет, где даже через закрытое окно слышен визг застрявшего головой в решетке кота.

— Это ты? — спрашиваю его. — Ты принес либидо в наш оплот нравственности?

Кажется, он и рад бы высказать мне все, но как раз сейчас ему не до душевных монологов. Я же замечаю, как между его растопыренных лап еще брезжит цвет зеленки. И этот цвет на его одомашненной кем-то кошачьей промежности, миг освещает серость промозглых издательских дней. Я понимаю, что вырвавшись сейчас из капкана оконной клетки, он больше не притаится сам и не притащит за собой кошачью свору, дабы лицеизреть человеческий зоопарк в моем лице. Потому что нельзя чувствовать себя господином перед тем, кто знает, что у тебя нет яиц.

В дверях туалета я столкнусь с пожилым мужчиной в погонной форме, который, под звук сливающейся воды в унитазе, оглушит меня декламацией: «Великие люди смывают свои грехи!» Я не осмелюсь приблизиться к раковине и, не отводя взгляда от величественного выражения на его лице, покину место отпущения все той же грешницей.

Дождь по-прежнему будет надрываться, вторя потоку из унитазного бачка, будто оправдывая слова человека в форме и помогая нечестивцам приобщиться таинств. В чужом городе такой же ливень обычно вызывает надежду на романтические моменты, которые стирают память о времяпрепровождении под рабочими козырьками.

Когда же ты куришь в пасмурный день возле ненавистной работы, то думаешь о наслаждениях, таящихся в далеких городах.

Там ты всегда искренне с кем-то близок, именно оттого, что вокруг незнакомые улицы и бессмысленно звонить бывшим любовникам, желая скрыться от затосковавшей по ласке плоти. Ты стоишь под крышей универмага и не знаешь, в какую направиться сторону, чтобы добраться до своего временного пристанища, где, приняв уже в гостиничном душе алкоголь, вкусить ущербной любви с самой собою. Лично мне не оказывали сочувствия достаточное количество раз, чтобы я научилась жить без своей собственной поддержки. В то же самое время, мои бывшие соучастники валяются на собственных уютных кроватях, совсем не тоскуя обо мне, ведь им, с моей стороны, не оказывалось сочувствие ровно столько же.

И всем нам известно, что никто не возникает из ветхого прошлого поздним дождливым вечером от искренности к кому-то конкретному. Но всем нам известна периодически возникающая потребность игры, где лгут, что ты нужен; а ты, в свою очередь, лжешь, что тебе это дорого! В чужом городе теория вероятности с высоким процентом прогнозирует отсутствие греха обмана собственных же чувств. Здесь твое одиночество накаляется до предельной температуры и буквально притягивает желанный в столь пасмурный вечер достойный субъект вожделения. Невозможность отказаться от чьей-то внезапной доброты тут по-настоящему возможна по причине непритворной влюбленности. Именно за такой невозможностью я всегда отправлялась в дорогу.

Мокрым холодом подует в мое лицо со стороны монастырских стен, и я улыбнусь на недовольно пробегающего в сторону морга взъерошенного кота. Его путь уже никогда не доставит в конце столько же удовольствия, как еще предстоящий мой. Ведь те многочисленные попытки выбраться из кокона физической невинности, то и дело возвращавшие меня мысленно к воспоминаниям о мужском притязанье, так и не позволили, даже с прорывом его твердой оболочки, раскрыть мне красочности интимного мира. Я по-прежнему витаю в утопичных представлениях о том, что французы именуют «маленькой смертью». И колокольный звон повинен в этом так же...

То была маленькая деревянная церковь, и я сидела на скамейке возле стены, после третьей в своей жизни исповеди. Я всегда садилась, потому как могла потерять сознание от духоты и запаха лада-

на. На мне была темно-зеленая юбка и толстые шерстяные рейтузы, из них еще постоянно лезла шерсть, и ноги в них напоминали двух огромных волосатых гусениц.

Толпы старух, у которых душно пахло изо рта и еще нафталином от одежды, заполнили и без того жаркое помещение. Они добросовестно крестились и кланялись. Иногда одна из них отделялась от общего стада, чтобы подбежать ко мне и дернуть за руку:

— Чего сидишь?! Сейчас нельзя сидеть! — громко шептала мне в лоб, который я хмурила, стараясь из-за нее не задохнуться.

Мне приходилось вставать, но равновесия хватало ненадолго. И пару раз качнувшись, я почти падала обратно на скамью. Так случалось регулярно.

Как-то раз рядом со мной опустился мальчик, старше меня на целую детскую жизнь. Я знала, что он нездоров и ходил в церковь будто на поводке за своей мамой. Обычно он стоял рядом с ней, беспокорно ковыряя в носу, точно решая задачу, изредка просверливая меня своим мутным взглядом. Я тогда тотчас вся оголюсь волокнами нервов, теребя шерсть на своих гусеницах и стараясь не смотреть в его сторону. Никогда во мне не числилось страданий инфантилизма, и из взросления через ясли и садика я была осведомлена о различии между биологическим строением мальчиков и девочек. Но нависший надо мной тип заползающим своим тяжелым дыханием вглубь моих внутренностей внушал не боязнь боли, оправданной мальчишеской симпатией. Я ощущала тогда холод первобытного страха, исходящего от его образа, склонного к запретным пакостям.

Он подвинется ко мне слишком близко, и бедром я почувствую жар его бедра, хотя места на скамье будет достаточно. Наклонится, касаясь острых концов платка на моей голове, и станет развязно посылать в меня гул сладострастия, а я отвечать ему болезненным подергиваньем головы. И тут он положит свою огромную ладонь с тонкими неровными пальцами, на мои ножки. В то самое место, где девочка ощущает себя девочкой.

— Это юбка? — приглушенно и невзначай осведомится он.

И я не смогу закричать от жара прилившей к вискам крови, под гул расшатанных донельзя колоколов и звон общей молитвы. Ни одна из старух, что то и дело следили за мной, всего происходящего не заметит. Я буду переводить неровный взгляд с одной на другую, но все будут так же монотонно вытягивать молитвы, будто находят-

ся не в церкви, а на соревновании по бляню. Несколько раз я пыталась встать, но он, надавливая своей рукой, не давал мне этого сделать и зло бубнил в ответ на мои попытки.

Потом мама выведет меня поплакать на улицу. Тогда, как и сегодня, медленно тянулась осень. И так же как сейчас — разряжался медный гром. Но, несмотря на нынешние пачки сигарет в моих легких и выхлопы прибывающих на парковку «лексусов», дышать в то давнее утро было намного сложнее. И еще долгие годы мне не придется каяться перед священником, что от частых осенних осадков так остро хочется тепла мужского тела. И неизвестно, сколько еще близость чужой плоти не будет доставлять моей ненасытности необходимого удовлетворения.

